

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.4>

UDC 811.161.1'04:003.074
LBC 81.411.2-03

Submitted: 02.12.2022
Accepted: 05.06.2023

LEGISLATIVE ACTS IN PETER THE GREAT PERIOD: SLAVIZATION OF THE LANGUAGE

Svetlana V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to Slavization of business writing in the Peter the Great period. The focus is on legislative acts of the first decades of the 18th century. Their language testifies that bookish-Slavic elements penetrated into it rather early. It is proved that the process under study took place in stages and began with documents that serviced international relations. In that kind of writings, literary means were actively used as early as in the first years of the century. The decrees related to the activities of the Patriarchal and Monastic prikazes reveal the use of bookish-Slavic lexical and syntactic means approximately in the same period. The research establishes the causal relationship between the early fixation of Slavonisms with the linguistic experience accumulated in those fields of activity during the previous period. In the language of legislative acts aimed at solving domestic problems, literary means were used more intensively at the end of the first – at the first half of the second decade of the 18th century. The article emphasises that it was a certain stage of developing new linguistic and stylistic means in the normative legal and administrative documents. Also, it is highlighted that their composition was arranged either according to the standard word usage of prikazes or to the word usage in international documents. It was primarily due to the subject content of the documents and the communicative and pragmatic attitudes of their drafters.

Key words: history of Russian literary language, business language of Peter the Great period, legislative act, prikaz language, bookish-Slavic language means.

Citation. Rusanova S.V. Legislative Acts in Peter the Great Period: Slavization of the Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 6, pp. 55-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.4>

УДК 811.161.1'04:003.074
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 02.12.2022
Дата принятия статьи: 05.06.2023

СЛАВЯНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Светлана Владимировна Русанова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена процессу славянизации деловой письменной речи в Петровскую эпоху. В центре внимания находятся законодательные акты первых десятилетий XVIII в., язык которых свидетельствует о достаточно раннем проникновении в него книжно-славянских элементов. Доказано, что исследуемый процесс проходил поэтапно. Он начался с документов, обслуживающих международные отношения, где уже в первые годы столетия активно использовались книжные средства. Примыкают к ним по времени появления в структуре текста книжно-славянских лексико-синтаксических средств указы, связанные с деятельностью Патриарших и Монастырского приказов. Установлена причинно-следственная связь между ранней фиксацией славянизмов и языковым опытом, накопленным в данных сферах деятельности в предыдущий период. В языке законодательных актов, направленных на решение внутрисударственных проблем, использование книжных средств активизируется в конце первого – первой половине второго десятилетия XVIII века. Показано, что на этом этапе освоения новых лингвостилистических средств при составлении нормативных правовых и распорядительных документов определяющей была ориентация либо на стандарт-

ный приказный узус, либо на узус международных документов, что обуславливалось в первую очередь предметным содержанием документов и коммуникативно-прагматическими установками их составителей.

Ключевые слова: история русского литературного языка, деловой язык Петровской эпохи, законодательный акт, приказный язык, книжно-славянские языковые средства.

Цитирование. Русанова С. В. Славянизация языка законодательных актов в Петровскую эпоху // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 55–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.4>

Введение

Важным отличием делового языка XVIII в. от приказного языка предыдущей эпохи является его славянизация, то есть включение в него церковнославянских элементов, свидетельствующее о сближении делового языка с книжно-славянской языковой письменной традицией, что обусловлено общими процессами преобразования культурно-языковой ситуации. В.М. Живов пишет, что в новых условиях, когда «литературность текста перестает связываться с признаками книжности и целиком определяется его культурными функциями» [Живов, 1996, с. 122], становится возможной «экстраполяция литературного языка нового типа на те сферы, которые первоначально были вне пределов его функционирования» [Живов, 1996, с. 123]. Одной из таких сфер была духовная словесность, другой – законодательство и делопроизводство.

Активное исследование региональных документов XVIII в. позволило определить основной набор славянизмов, служащих для создания особого канцелярского слога. Среди них в первую очередь выделяются указательные местоимения, служебные слова, «прономинализованные» прилагательные и причастия как важнейшие средства синтаксической организации текста (*оной, сей, по-неже, дабы, егда, вышепоказанный, преждереченный* и др.) [Майоров, 2006, с. 75, 93]; отдельные конструкции, предложно-падежные формы и книжные флексии («*да+презент глагола*», *по + N₃, по + N₆, ради + N₂* и др.) [Кудрявцева, 2007, с. 13]; словообразовательные средства и словообразовательные модели (*воз-/вз-, из-, -ость, -ни-, -ств-*) [Майоров, 2018, с. 27].

Усвоение официально-деловым языком книжных форм традиционно связывается с распорядительной документацией [Майоров, 2006, с. 75], что представляется логичным,

так как мотивируется установкой Петра Великого регламентировать указами любые реформаторские начинания. Применение книжных средств в документах распорядительного характера в дальнейшем становится образцом для других жанров, поскольку писцы местных канцелярий и присутствий ориентировались на язык рассылаемых во все концы Российской империи указов и манифестов [Майоров, 2006, с. 75].

Функционирование славянизмов в канцелярском делопроизводстве, безусловно, началось с законодательных актов Петровской эпохи, что подтверждают дошедшие до нас документы. Поэтапный характер проникновения книжных средств в сферу делового письменного узуса связывается прежде всего с противопоставлением распорядительно-директивных актов, в которых указанный процесс активизировался в первой половине XVIII в., и остальных жанров деловой письменности, в которых книжно-славянские элементы в качестве нормативных стилистических средств распространяются во второй половине столетия. Однако подробно процесс славянизации законодательных актов Петровской эпохи не изучался. Открытыми остаются вопросы о наличии закономерности и последовательности в данном процессе, что определяет актуальность настоящего исследования.

Материал и методы

Материалом исследования послужили документы первых десятилетий XVIII в. из «Полного собрания законодательных актов Российской империи» (ПСЗ, т. 4–6).

В работе применяются методы лингвистического наблюдения и описания, приемы контекстуального и сравнительного анализа, позволяющие систематизировать документы с учетом использования в их оформлении

книжных средств и влияния на исследуемый процесс коммуникативно-прагматических и жанрово-стилистических факторов.

Результаты и обсуждение

Процесс славянизации языка законодательных актов Петровской эпохи, как показывает исследование, происходил постепенно и на начальном этапе определялся содержанием и коммуникативно-прагматической направленностью документов. Причем самыми ранними документами XVIII в., отражающими включение славянизмов в деловой язык, являются не внутригосударственные нормативно-правовые и распорядительные акты, а международные документы, регулирующие отношения с другими странами и их представителями (трактаты, жалованные грамоты, «поставленные» статьи и др.).

Книжно-славянские элементы в международных актах и в указах, связанных с жизнедеятельностью Церкви и монастырей

Количество международных документов в Петровскую эпоху резко увеличилось в силу активизации внешней политики Петра I, направленной, как отмечают историки, на укрепление позиций государства на международной арене и обеспечение безопасности границ государственной территории, получение доступа к Балтийскому морю и возможность иметь флот на Черном и Азовском морях [Бобылев, 1990; Стерликова, 2015].

Среди международных актов первых лет нового столетия можно назвать «Статьи, поставленные въ Москвѣ Бояриномъ Головинымъ съ Датскимъ Посланникомъ Гейнсомъ» 1701 г. (ПСЗ, т. 4, № 1824), «Трактатъ между Государемъ Петромъ I и Рѣчью Посполитою Великаго Княжества Литовскаго, заключенный въ обозѣ Шлотбургѣ Бояриномъ Ѳедоромъ Головинымъ съ Литовскими послами, Михайломъ Біалозоромъ, Жигимонтомъ Хржановскимъ, Михайломъ Халецкимъ и Яномъ Домбровскимъ» 1703 г. (ПСЗ, т. 4, № 1934), «Договорные пункты, заключенные между Дерптскимъ Комендантомъ Скитте и Фельдмаршаломъ Шереметевымъ» 1704 г.

(ПСЗ, т. 4, № 1985), «Капитуляція, предложенная Иваногородскимъ Комендантомъ Стиерне Стралемъ о сдачѣ Иваногорода, съ отвѣтомъ на оную Россійскаго Фельдмаршала Огильвія» 1704 г. (ПСЗ, т. 4, № 1989), «Трактатъ, учиненный въ Нарвѣ полномочнымъ Польскимъ посломъ Дзялынскимъ съ Россійскими Министрами» 1704 г. (ПСЗ, т. 4, № 1991) и др.

Чтобы наглядно представить разницу в языковом оформлении документов, связанных с внешней и внутренней политикой, приведем для сравнения небольшие фрагменты двух структурно схожих документов за июль 1704 г: «Договорные пункты, заключенные между Дерптскимъ Комендантомъ Скитте и Фельдмаршаломъ Шереметевымъ» (далее Договорные пункты) и «Статьи о дачѣ таможенныхъ выписей на отвозные товары» (далее – Статьи).

Договорные пункты, направленные на регулирование процесса капитуляции и сдачи шведским комендантом города Дерпта, обнаруживают явное отклонение от нормы общеправового языка, сложившегося в XVII в. в рамках приказной письменной традиции, в сторону книжно-славянского языка. Статьи о таможенных выписях регулируют в соответствии с Торговым уставом деятельность таможен по предоставлению выписей отпускным товарам и отличаются традиционным набором общеобязательных средств приказного письма (см. табл. 1).

Приведенные выше фрагменты актуализируют оппозицию ряда тексто- и стилеобразующих особенностей двух документов. Например, обнаруживается противопоставление союзов *если* и *буде*, обслуживающих условные конструкции соответственно в Договорных пунктах и Статьях: *Если онъ желалъ получить согласія <...>, то <...>; Если бы нѣкоторыя лица изъ Магистрата <...>, то <...> – А буде на срокъ выписи не поставитъ, <...> то <...>; а буде не поставитъ, на немъ взять пошлину*. Кроме союзного выражения условных отношений в Статьях типичными являются приказные бессоюзные конструкции с инициальным сочетанием «а который + инфинитив»: *А въ которыя города товары везти, то записывать въ таможенныхъ отпускныхъ книги*. Внутритекстовыми скрепами в Статьях являются класси-

Таблица 1. Примеры законодательных актов начала XVIII в., связанных с внешней и внутренней политикой государства

Table 1. Examples of legislative acts of the early 18th century related to the foreign and domestic policies of the state

<p>Юлия 14. Договорные пункты, заключенные между Дерптскимъ комендантомъ Скитте и Фельдмаршалом Шереметевымъ</p>	<p>Юлия. Статьи о дачѣ таможенной выписи на отвозные товары</p>
<p>Договорные пункты, присланные Господиномъ Полковникомъ и Комендантомъ Карломъ Густавомъ Скитте 14 Юлія 1704 года, рано по утру изъ Дерпской крѣпости въ лагерь къ Фельдмаршалу Шереметеву, съ отмѣтками его на оныя:</p> <p>1) Г. Комендантъ требуетъ свободнаго пропуска для себя и для находящагося въ семь городѣ подъ его начальствомъ Королевско-Шведскаго войска, какъ состоящаго по Артиллеріи и Фортификаціи, такъ и коннаго и пѣшаго, безъ всякаго различія націй, <...> безъ осмотра и обыска, при чемъ имѣеть быть выдано оному войску мѣсячное содержаніе, по уставу Его Королевско Шведскаго Величества <...>.</p> <p>На 1. Весьма удивляемся, что Г. Комендантъ чинить столь неумѣренныя требованія <...>. Если онъ желалъ получить согласія на таковыя условія, то ему слѣдовало бы предложить оныя заранѣе, а нынѣ уже слишкомъ поздно. Но дабы поступить по Христиански, то ему Г. Коменданту, офицерамъ его, всему горнизону, также и прочимъ, какаго бы они званія ни были, съ женами и дѣтьми, и со всеѣмъ имуществомъ и съ дѣтьми данъ будетъ свободный пропускъ безъ осмотра, и выдано будетъ провіанта на мѣсяць <...></p> <p>10) Если бы нѣкоторые лица изъ Магистрата, духовенства и гражданства, выславшія изъ сего города женъ, дѣтей и имущество свое пожелали возвратитъ ихъ въ оный, то со стороны Его Царскаго Величества имѣеть быть на то дано соизволеніе <...> (ПСЗ, т. 4, № 1985, 1704 г.).</p>	<p>1. Русскіе люди и иноземцы какъ стануть явить товары свои въ Таможняхъ въ отвозъ изъ города въ городъ: тотъ отпускъ по Торговому Уставу таможеннымъ Бургомистрамъ чинить и выписи давать, не задерживая.</p> <p>2. А въ которые города товары везти, то записывать въ таможенныя отпускныя книги именно съ прикладываніемъ рукъ, а съ того города поставить на срокъ отъявочныя выписи, а буде не поставить, на немъ взять пошлину съ цѣны, чего тотъ товаръ стоитъ, и въ томъ брать поруки, въ тѣхъ же отпускныхъ книгахъ съ прикладываніемъ рукъ. <...></p> <p>4. Въ которыхъ городахъ тѣ товары въ явкѣ будутъ, съ той явки таможеннымъ Бургомистрамъ давать отъявочныя выписи вскорѣ безъ задержанія, чтобъ на срочныя числа не быть въ отсрочкѣ, и задержаніемъ Бурмистровымъ не отговариваться.</p> <p>5. А буде на срокъ выписи не поставить, а явится, что учинено то задержаніемъ Бурмистровымъ, пошлины править на Бурмистрахъ, которые въ дачѣ отъ явочныхъ выписей задержаніе учинять; а чьи были товары, тѣмъ отъ тѣхъ пошлинъ быть свободнымъ. <...></p> <p>10. А которые Бурмистры по вышепоказанному указу отпускнымъ товарамъ записныхъ книгъ и порукъ съ прикладываніемъ рукъ имѣеть не будутъ, и въ Ратушѣ не подадутъ, а въ товарномъ отпуску будетъ споръ, и тѣ пошлины править на Бурмистрахъ, за вины ихъ по вышепоказанному указу. <...> (ПСЗ, т. 4, № 1987, 1704 г.).</p>

ческие приказные союзы *a* и *и*, которые почти отсутствуют в Договорных пунктах.

Показательным является выражение категории неопределенности. Типичному для Статей и приказного языка в целом многозначному местоимению *который* в неопределенном значении, унаследованном из древнерусского языка (СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 385), в Договорных пунктах противостоит церковнославянское местоимение *нѣкоторый* (СС, с. 386; СРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 156): *А которые Бурмистры по вышепоказанному указу отпускнымъ товарамъ записныхъ книгъ и порукъ съ прикладываніемъ рукъ имѣеть не будутъ <...> и тѣ пошлины править на Бурмистрахъ – Если бы нѣкоторыя лица изъ Магистрата, духовенства и граждан-*

ства <...> пожелали возвратитъ ихъ <...>¹. В «Словаре русского языка XVIII в.» ранняя фиксация местоимения *некоторый* в двух первых значениях ‘какой-то, точно не определенный’ и ‘отдельные из числа многих, всех’ датируется соответственно текстами 1712 г. и 1718 г. (СРЯ XVIII, с. 207–208).

В анафорической функции в Статьях активно выступает указательное местоимение *тот*, которому в Договорных пунктах соответствует местоимение *оный*, отмеченное кроме прочего в субстантивированном употреблении (*а чьи были товары, тѣмъ отъ тѣхъ пошлинъ быть свободнымъ – оному войску; предложитъ оныя заранѣе; возвратитъ ихъ въ оный*).

В двух документах семантически противопоставлен глагол *иметь*: в Договорных

пунктах он выполняет функцию этикетного маркера должностования (*при чемъ имѣеть быть выдано оному войску мѣсячное содержаніе; имѣеть быть на то дано соизволеніе*); в Статьях – употребляется в значении ‘иметь, обладать’, типичном для языка предыдущей эпохи (*А которые Бурмистры по вышепоказанному указу отпускнымъ товарамъ записныхъ книгъ и порукъ съ прикладываніемъ рукъ имѣть не будутъ*).

В языке Договорных пунктов обращает на себя внимание разнообразие средств выражения модальных значений необходимости и желанія (*требуеть свободнаго пропуска; чинить столь неумѣренныя требованія; ему слѣдовало бы предложить; пожелали возвратить ихъ*), конструкции с целевым союзом *дабы*, актуализирующим нравственный аспект (*Но дабы поступить по Христіански*).

Активизация книжно-славянских элементов в первую очередь в международных актах Петровской эпохи не случайна. Такое употребление опирается на языковой опыт, накопленный в данной сфере деятельности в предыдущий период, о чем свидетельствует язык внешнеполитических документов второй половины XVII в. [Русанова, 2022a]. Использование книжно-славянских средств составителями международных договоров, договорных статей, двусторонних записей было обусловлено необходимостью учитывать особенности межъязыковой и межкультурной коммуникации, маркировать государственную значимость принимаемых решений. Безусловно, лексико-синтаксические ресурсы церковнославянского языка обладали в этом отношении большим функционально-стилистическим потенциалом, нежели ресурсы приказного языка. Выявленные лингвостилистические особенности этих текстов позволяют охарактеризовать их как отклонение от нормы стандартного приказного общеюридического языка, подробно описанного учеными [Кортава, 1999; Ремнева, 2003].

Еще одной группой самых ранних законодательных актов, в которых обнаруживается «гибридный» деловой слог, предполагающий обязательное включение книжно-славянских элементов в качестве тексто- и стилеобразующих средств и также опирающийся на пре-

дыдущий языковой опыт, были документы, связанные с деятельностью Патриарших и Монастырского приказов, например: именной указ «Об описи Патриаршаго дома и Патриаршихъ приказныхъ служителей и Дворянь, домовъ Архіерейскихъ, монастырей и вотчинъ Патриаршихъ, Архіерейскихъ и монастырскихъ...» (ПСЗ, т. 4, № 1834, 1701 г.); «Грамота Преосвященному Варлааму Ясинскому, Митрополиту Кіевскому – О невозбраненіи обучаться въ Кіевской Академіи Русскимъ приходящимъ изъ другихъ странъ людямъ» (ПСЗ, т. 4, № 1870, 1701 г.); «Именной, объявленный Бояриномъ Мусинымъ Пушкинымъ, Монастырскому приказу» (ПСЗ, т. 4, № 1886, 1701 г.) и др. Примечательно начало последнего указа, служащее обоснованием принятого царемъ решения о выдаче монахамъ денежного и хлебного жалованія по единообразному окладу и оформленное церковнославянскимъ языкомъ вплоть до использования простых претеритных форм глагола:

Въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежителство ихъ, а вотчинами имъ и никакими угодами не владѣть неради раззоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія; понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежително живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали, нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питае отъ трудовъ своихъ, но сами чуждыя труды поядаша, и начальныя монахи во многія роскоши впадоша <...> И сея ради вины указаль Великій Государь, равное даваніе учинити, яко начальнымъ тако и подначальнымъ монахамъ <...> (ПСЗ, т. 4, № 1886, с. 181–182).

Говоря о существовании языкового опыта в данной сфере, мы имеем в виду не только лингвокультурологическую роль церковнославянского языка (языка канонических христианских текстов) в религиозном дискурсе, но и еще один немаловажный факт – использование церковнославянского языка в средневековой Руси для переводов древнегреческих текстов юридического характера, в частности, Устава Студийского, включающего церковный и монастырский уставы, Закона судного людемъ и Городского закона (сборник Мерило праведное) (подробно об этом см.: [Ремнева, 2003, с. 103–113]).

В то же время, следует отметить, что многие указы, направленные на решение текущих дел и проблем приходов и монастырей, оформлялись в начале XVIII в. традиционным приказным слогом, напр.: именные указы об отдаче просителям патриарших, архиерейских и монастырских пустошей на вечное содержание (ПСЗ, т. 4, № 1897, 1702 г.), о подаче приходскими священниками в Духовный приказ недельных ведомостей о родившихся и умерших (ПСЗ, т. 4, № 1908, 1702 г.), о сборе с московских и городовых церквей с попов и дьяконов драгунских лошадей (ПСЗ, т. 4, № 2142, 1707 г.) и др.

*Книжно-славянские элементы
в правовых нормативных
и распорядительных актах,
связанных с внутренней политикой*

Особое место в процессе освоения книжно-славянских элементов языком законодательных актов занимают нормативные правовые и распорядительные документы, связанные с решением внутригосударственных (административных, экономических, военных, гражданских и др.) проблем, так как распространение книжного влияния на эти документы расширяет границы функционирования делового языка нового типа и способствует формированию нового официально-делового письменного узуса.

Язык документов, содержащих обязательные к исполнению указания вышестоящих органов и фиксирующих решение административных и организационных вопросов, вопросов обеспечения и регулирования деятельности учреждений и ведомств, должностных лиц и т. д., интересен тем, что исторически не связан с отмеченным выше опытом использования книжно-славянских средств. Стандартному приказному языку, традиционно обслуживающему подобные документы, по сути, «с нуля» предстояло освоить новые стилистические возможности и приемы их реализации в тексте. Исследователи Соборного Уложения 1649 г. указывают на два фрагмента в его составе, написанные церковнославянским языком, они представляют самостоятельные текстовые вставки из церковнославянской переводной юридической письменности, не влияющие в целом на характер языка

Уложения [Ремнева, 2003, с. 294–295; Черных, 1953, с. 135–138]; это «знак не языкового, а концептуального влияния» [Ремнева, 2003, с. 295].

Активное проникновение славянизмов в язык подобных документов, насколько позволяют судить тексты из Полного собрания законов Российской империи, приходится на конец первого и первую половину второго десятилетия XVIII века.

При внешней макароничности языка директив представляется возможным говорить о предпочтениях законодателей в оформлении тех или иных документов, с учетом этих предпочтений исследуемые акты условно можно охарактеризовать как ориентированные на приказную письменную традицию со стандартным набором текстообразующих средств и ориентированные на письменный узус международных актов со свойственным ему доминированием книжно-славянских средств организации текста. Актуальными при выборе средств становятся предметное содержание документа и коммуникативно-прагматические установки создателя, определяющие общую императивную тональность законодательного акта.

Так, новый канцелярский слог представлен в именных указах, адресованных высокопоставленным военным чинам, что подчеркивает немаловажность социального аспекта в процессе славянизации официально-делового языка (см. указы комендантам о передаче родителями векселей детям, обучающимся за границей, через Адмиралтейский приказ (ПСЗ, т. 4, № 2292, 1710 г.) и о заготовке провианта в Сибирской губернии (ПСЗ, т. 4, № 2295, 1710 г.), генералам-фельдмаршалам о размещении полков по винтер-квартирам (ПСЗ, т. 5, № 2638, 1713 г.), штабс- и обер-офицерам о положенном количестве денщиков и их жаловании (ПСЗ, т. 5, № 2640, 1713 г.)). Маркируются книжно-славянскими элементами указы, требующие особой императивной тональности, обусловленной чрезвычайными событиями и обстоятельствами, которые создают опасность для государства – эпидемии, и в частности моровая язва (ПСЗ, т. 4, № 2296, 1710 г.), подрывают международный авторитет России, например, производство на продажу английским купцам бракованной пеньки (ПСЗ, т. 5, № 3005, 1716).

Приказный слог продолжают сохранять указы, связанные с набором рекрутов (ПСЗ, т. 4, № 2281, 1710 г.; ПСЗ, т. 5, № 2632, 1713 г.), с таможенными и питейными сборами (ПСЗ, т. 4, № 2288, 1710 г.), со сбором провианта из губерний (ПСЗ, т. 5, № 2631, 1713 г.), с регулированием работы ямов и дачи подвод (ПСЗ, т. 4, № 2294, 1710 г.), с созданием пороха и доставкой селитры для продажи в Москву (ПСЗ, т. 4, № 2379, 1711 г.) и т. п.

Приведем в качестве примера два небольших указа, именной и сенатский, посвященные сбору провианта и рекрутов и ориентированные на разные письменные узусы (табл. 2). Первый адресован коменданту князю Гагарину, второй – губернаторам в губернии. Во втором тексте для его сокращения сделано несколько купюр с однотипными конструкциями.

Количество книжно-славянских элементов в законодательных актах первых десятилетий XVIII в. варьируется. В одних документах, составленных приказным слогом, обнаруживаются единичные вкрапления славяниз-

мов, другие отражают параллельное употребление приказных и книжных средств. Исследование и тех, и других документов актуально, поскольку дает возможность определить характер включения церковнославянских элементов в приказный директивный текст, степень мотивированности выбора языковых средств и их варьирования.

Особый интерес представляют тексты, языковое оформление которых свидетельствует о тенденции к функционально-семантическому распределению приказных и книжных единиц как стилистических средств. Соучаствуя в текстообразовании, подобные элементы занимают в структуре документа семантически маркированные позиции. Так, важным для законодателей оказывается стремление маркировать приказными лексико-синтаксическими средствами действия и поступки противозаконные, имеющие негативные последствия, и книжно-славянскими средствами – действия, совершенные в соответствии с законом, государственно значимые. Ниже приведен указ о клеймении и записи весов и фун-

Таблица 2. Примеры петровских указов, ориентированных на разные письменные узусы

Table 2. Examples of Peter the Great's decrees focused on different written usages

Сентября 17. Именной Коменданту Князю Гагарину. <i>О заготовленіи въ Сибирской Губерні провіанту, муки 13,236 четвертей и о собраніи рекрутъ</i>	Генваря 16. Сенатский. <i>О взятіи штрафа за недоставленіе на сроки рекрутъ</i>
<p>Господинь Полковникъ и Комендантъ! По полученіи сего указа нарядить вамъ въ Сибирской губерні провіанту 13269 четвертей муки, и чтобъ оное число поставлено было сюда будущимъ зимнимъ путемъ въ Генварѣ или кончае въ первыхъ числахъ Февраля мѣсяца, что зѣло нужно, дабы то впредь не взыскано было на васъ; также надобно вамъ собрать съ Сибирской Губерніи рекрут 738 человекъ, кромѣ того числа солдатъ, о которомъ прежде къ вамъ писано (что въ Рижской гарнизонѣ надобно) и также оныхъ привести вамъ сюда съ собою, купно съ вышереченнымъ въ Ригу гарнизономъ, понеже оные рекруты нынѣ въ дополнку арміи зѣло нужны, ради упадка отъ моровой болѣзни въ людяхъ (ПСЗ, т. 4, № 2295, 1710 г.).</p>	<p>Рекрутъ собрать и выслать къ Москвѣ съ Губерніи на сроки нынешняго 713 года, Московской Марта въ первыхъ числахъ, съ Нижняго и отъ Нижняго въ верхъ до городовъ Московской Губерніи Марта въ среднихъ числахъ <...> а съ Киевской, съ Азовской, съ Смоленской собрать въ Мартѣ мѣсяцѣ, и имѣть на станціяхъ въ тѣхъ же Губерніяхъ. А буде вышеписанныхъ Губерніи, опричь С. Петербургской Губерніи, Губернаторы на вышеписанные скроки (sic!) въ Губерніяхъ рекрутъ сполна не сберуть и съ которыхъ опредѣлено къ Москвѣ не пришлютъ, а въ прочихъ на станціяхъ имѣть не будутъ: и за то на Губернаторахъ взято будетъ за каждаго недобраннаго рекрута штрафа по рублю за человекъ. А буде помѣщики и вотчинники, и Дворцовые и Архіерейскіе и монастырскіе прикащики тѣхъ рекрутъ въ Губерніяхъ на тѣ сроки <...> не отгадутъ: и за то на нихъ за каждаго рекрута взять штрафа, кромѣ указанныхъ рублевыхъ денегъ, по рублю; а буде въ той по срокѣ недѣлѣ кто не заплатитъ: и на такихъ за всякаго рекрута имать по 5 рублей <...>. А съ которой Губерніи въ сборѣ рекрутъ и рублевыхъ и штрафныхъ денегъ сколько будетъ: о томъ чрезъ двѣ недѣли прислать въ Сенатъ вѣденіе (ПСЗ, т. 5, № 2632, 1713 г.).</p>

тов торговыми и мастеровыми людьми серебряного ряда у старост, в котором конструкции о противозаконном самовольстве с их стороны и о приветствуемой инициативе людей из других рядов клеймить и записывать весы и фунты оформлены соответственно приказным и книжным союзами:

По указу Великаго Государя велѣно, чтобъ серебрянаго ряда у торговыхъ и мастеровыхъ людей были вѣсы и фунты у всѣхъ были правдивые и заклеены годовымъ клеймомъ съ запискою у старость того ряда, и брать отъ той записки и клейменя пошлинь по 10 денегъ. *А буде* кто самовольствомъ своимъ фунтовъ и вѣсковъ къ запискѣ приносить не станеть, и будетъ имѣть неклеимые: и имъ старостамъ подавать на таковыхъ доношеніе <...> *А ежели* кто изъ другихъ рядовъ пожелаетъ къ нимъ старостамъ, ради исправленія, вѣски и фунты приносить: то имъ чинить о томъ по вышешанному жъ Его Великаго Государя указу (ПСЗ, т. 4, № 2229, 1709 г., с. 451).

Значимыми представляются также случаи, когда синтаксические средства, разговорные по происхождению, выступают как нейтральные средства оформления предписания, наставления, требования, а книжные маркируют недопустимость, запрет незаконных действий и, как следствие, закономерную ответственность за нарушения:

<...> по указу Великаго Государя Правительствующій Сенатъ слушавъ той отписки и выписки приговорили, о высылкѣ каменьщиковъ въ Азовъ и въ Троицкое послать изъ Канцеляріи Правительствующаго Сената указы, *чтобъ* оныя каменьщики изъ тѣхъ Губерній высланы были безсрочно съ поспѣшеніемъ, и *чтобъ* нынѣшнимъ лѣтомъ, за неприсылкою тѣхъ каменьщиковъ, не учинить въ тѣхъ городахъ строенію отстановки. *А ежели* тѣ каменьщики изъ Губерній вскорѣ высланы не будутъ, а въ Азовѣ и Троицкомъ какимъ дѣламъ учинится отстановка, и та отстановка причтена будетъ къ тѣмъ Губерніямъ, изъ которыхъ не вышлются <...> (ПСЗ, т. 4, № 2380, 1711 г., с. 701);

Да и Коммисаромъ тѣхъ Губерній Его Великаго Государя указъ сказать съ приложеніемъ рукъ, *чтобъ* они въ заплатѣ тѣхъ денегъ на вышешанной срокъ конечно исправились, а *ежели* не исправятся, то взять будетъ на нихъ штрафъ (ПСЗ, т. 5, № 2641, 1713 г., с. 13).

Кульминационным в процессе славянизации официально-делового языка, знаменую-

щей формирование его нового стандарта, утверждающей границы новой нормы, является язык ключевых законодательных актов, связанных с кардинальной перестройкой юридической системы Российской империи, государственного управления, системы делопроизводства, армии, флота и определивших принципы их работы. Речь идет о таких регламентирующих документах, как Военный устав и Артикулы воинские 1716 г., Морской устав 1720 г. и Генеральный регламент 1720 года. Об актуальности их лингвистического исследования свидетельствует повышенный интерес к ним в последние годы [Акишин, 2020; Пушкарева, 2021; Руднев, Пушкарева, 2021; Русанова, 2022б; Садова, Руднев, 2019; Садова, 2021].

Регламентирующие документы столь высокого для того времени уровня юридического языка не могли быть созданы без предварительной напряженной работы по поиску приемов и способов синтезирования приказных и книжных средств в пространстве одного текста, о чем говорят выявленные этапы славянизации языка законодательных актов. Особенности включения книжно-славянских элементов в подобные нормативно-правовые акты подтверждают дальнейшее развитие тенденции к функционально-стилистической и коммуникативно-прагматической обусловленности использования языковых средств. Так, исследование Морского устава показало, что в главах, посвященных разным аспектам военно-морской службы, соотношение конструкций с книжными и аналогичными приказными средствами связи различается. Например, в главе о главнокомандующем флота на 23 условные конструкции с союзом *ежели* приходится 7 конструкций с союзом *есть ли* и 1 – с союзом *буде*, а в главе о государственных злоумышленниках и «противящихся командиром своим» пропорция синтаксических средств, обслуживающих условные отношения, меняется: *ежели* встречается 7 раз, *есть ли* – 7, *буде* – 3; основным же средством экспликации условно-следственных отношений оказываются типичные для приказного языка конструкции с бессоюзным оформлением [Русанова, 2022б]. О влиянии внешнеязыковых факторов (в частности, квалификации субъекта волеизъявления и субъекта-исполнителя) на изменение форм

выражения императивности в Морском уставе пишет Н.В. Пушкарева. Языковые единицы, выражающие императивность в тексте устава, передают не просто побуждения, но и разную степень значимости формулируемых требований и их последствий. Например, оборот с *да (не) будет* используется при описании серьезных проступков, за которые жестоко карают; конструкции, состоящие из форм глагола *иметь* и инфинитива, встречаются в описаниях необходимых поступков [Пушкарева, 2021, с. 59–60].

Будучи ориентированными на лучшие образцы западноевропейского законодательного творчества, все перечисленные документы в языковом плане демонстрируют установку на синтез генетически разнородных языковых средств, направленных на точность и логичность выражения мысли.

Заключение

Славянизация официально-делового языка XVIII в. – один из кардинальных процессов в истории делового языка, направленный на повышение его культурного и коммуникативного статуса и обусловивший преобразование синтагматики языковых средств в пространстве делового текста. Включение книжно-славянских элементов в законодательные акты требовало от реформаторов поиска оптимальных приемов и способов стилистического взаимодействия генетически разнородных книжных и приказных элементов. Важным фактором, определявшим оперативность исследуемого процесса, является опора на языковой опыт, накопленный в сфере международных отношений. Язык международных актов второй половины XVII в. стал, по сути, той экспериментальной площадкой, где апробировался стилистический потенциал книжно-славянских средств в деловой коммуникации.

В Петровскую эпоху происходит расширение сферы подобного употребления славянизмов в законодательной и делопроизводственной практике, что закономерно приводит к решению проблем коммуникативно-прагматической и функционально-стилистической обусловленности языковых средств, связанных с разными письменными традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишин М. О., 2020. Юридический язык Морского устава 1720 г. // Ленинградский юридический журнал. № 3 (61). С. 6–23.
- Бобылев В. С., 1990. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. : Изд-во ун-та Дружбы народов. 168 с.
- Живов В. М., 1996. Язык и культура в России XVIII века. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 591 с.
- Кортава Т. В., 1999. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка : дис. ... д-ра филол. наук. М. 295 с.
- Кудрявцева Е. А., 2007. Элементы церковно-славянской традиции в деловой письменности начала XVIII века : (На материале памятников Туруханского Троицкого монастыря) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск. 23 с.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник. 263 с.
- Майоров А. П., 2018. Книжно-славянские элементы разных уровней в деловом языке XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. Т. 4, № 2. С. 24–32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32
- Пушкарева Н. В., 2021. Особенности проявления императивности в тексте «Устава Морского» 1720 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43, № 6. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657
- Ремнева М. Л., 2003. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М. : Изд-во Моск. ун-та. 336 с.
- Руднев Д. В., Пушкарева Н. В., 2021. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Русанова С. В., 2022а. Книжно-славянские элементы в языке международных юридических документов Московской Руси второй половины XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 44, № 4. С. 109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774
- Русанова С. В., 2022б. Морской устав 1720 г.: функционально-коммуникативная обусловленность языковых средств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 88–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>
- Садова Т. С., 2021. Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета.

- Т. 43, № 3. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595
- Садова Т. С., Руднев Д. В., 2019. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
- Стерликова А. А., 2015. Внешняя политика и дипломатия России периода Северной войны в отечественной историографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Историография и источниковедение. № 2, т. 4. С. 61–67.
- Черных П. Я., 1953. Язык Уложения 1649 года. М.: Изд-во АН СССР. 374 с.
- ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ**
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. В 45 т. Т. 4–6. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 404 с.; Вып. 11. М.: Наука, 1986. 457 с.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 14. СПб.: Наука, 2004. 280 с.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
- REFERENCES**
- Akishin M.O., 2020. Yuridicheskiy yazyk Morskogo ustava 1720 g. [Legal Language of the Maritime Charter 1720]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], no. 3 (61), pp. 6-23.
- Bobylev V.S., 1990. *Vneshnyaya politika Rossii epokhi Petra I* [Foreign Policy of Russia in the Era of Peter I]. Moscow, Izd-vo un-ta Druzhby narodov. 168 p.
- Zhivov V.M., 1996. *Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia in the 18th Century]. Moscow, Shk. «Yaz. Rus. kultury». 591 p.
- Kortava T.V., 1999. *Moskovskiy prikaznyy yazyk XVII veka kak osobyy tip pismennogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk* [The Moscow Command Language of the 17th Century as a Special Type of Written Language. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 295 p.
- Kudrjavitseva E.A., 2007. *Elementy tserkovno-slavyanskoy traditsii v delovoy pismennosti nachala XVIII veka: (Na materiale pamyatnikov Turukhanskogo Troitskogo monastyrya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Elements of Church Slavonic Tradition in Business Writing of the Beginning of the 18th Century (Based on Business Writing of Turukhansky Trinity Monastery). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Krasnoyarsk. 23 p.
- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Sketches of Lexicon of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Mayorov A.P., 2018. Knizhno-slavyanskije elementy raznykh urovney v delovom yazyke XVIII v. [Slavic Written Language Elements of Different Levels in Business Language of 18th Century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [BSU Bulletin. Philosophy], vol. 4, no. 2, pp. 24-32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32
- Pushkareva N.V., 2021. Osobennosti proyavleniya imperativnosti v tekste «Ustava Morskogo» 1720 goda [Specific Features of Imperativeness in the Text of the 1720 Naval Charter]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 43, no. 6, pp. 57-64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.657
- Remneva M.L., 2003. *Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv.* [Ways of Development of the Russian Literary Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 336 p.
- Rudnev D.V., Pushkareva N.V., 2021. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 36-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Rusanova S.V., 2022a. Knizhno-slavyanskije elementy v yazyke mezhdunarodnykh yuridicheskikh dokumentov Moskovskoy Rusi vtoroy poloviny XVII veka [Slavonic Written Language Elements in the Muscovy International Legal Documents of the Second Half of the 17th Century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 44, no. 4, pp. 109-115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774
- Rusanova S.V., 2022b. Morskoy ustav 1720 g.: funkcionalno-kommunikativnaya obuslovlennost yazykovykh sredstv [The Maritime Charter of 1720: Functional-and-Communicative

- Conditionality of Language Means]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 88-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>
- Sadova T.S., 2021. Slovo «nadlezhit» v sostave imperativnoy formuly v tekste «Ustava voinskago» 1716 goda [The Word “nadlezhit” as Part of the Imperative Formula in the Military Charter of 1716]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 43, no. 3, pp. 8-16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595
- Sadova T.S., Rudnev D.V., 2019. Kristallizatsiya delovoy rechi v Petrovskuyu epokhu [Crystallization of Formal Speech in the Petrine Era]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], no. 5 (182), pp. 43-47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
- Sterlikova A.A., 2015. Vneshnyaya politika i diplomatiya Rossii perioda Severnoy voyny v otechestvennoy istoriografii [Foreign Policy and Diplomacy of Russia During the Great Northern War in Russian Historiography]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Istoriografiya i istochnikovedenie* [Pushkin Leningrad State University Journal. Historiography and Source Studies], no. 2, vol. 4, pp. 61-67.
- Chernykh P.Ya., 1953. *Yazyk Ulozheniya 1649 goda* [Language of the Code of 1649]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 374 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. V 45 t. T. 4–6* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. In 45 Vols. Vols. 4–6]. Saint Petersburg, V Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c.], iss. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 404 p.; iss. 11. Moscow, Nauka Publ., 1986. 457 p.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 14* [Dictionary of the Russian Language of the 18th c. Iss. 14]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004. 280 p.
- Zeitlin R.M., Vecherka R., Blagova E., eds. *Staroslavjanskiy slovar (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (According to Manuscripts of the 10th – 11th Centuries)]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1994. 842 p.

Information About the Author

Svetlana V. Rusanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Prosp. K. Marksa, 20, 630073 Novosibirsk, Russia, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Русанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, просп. К. Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>